

эссе

Рауль
Мир-Хайдаров

138

Валентин Катаев

И дверь он запер на цепочку лет

И. Бродский

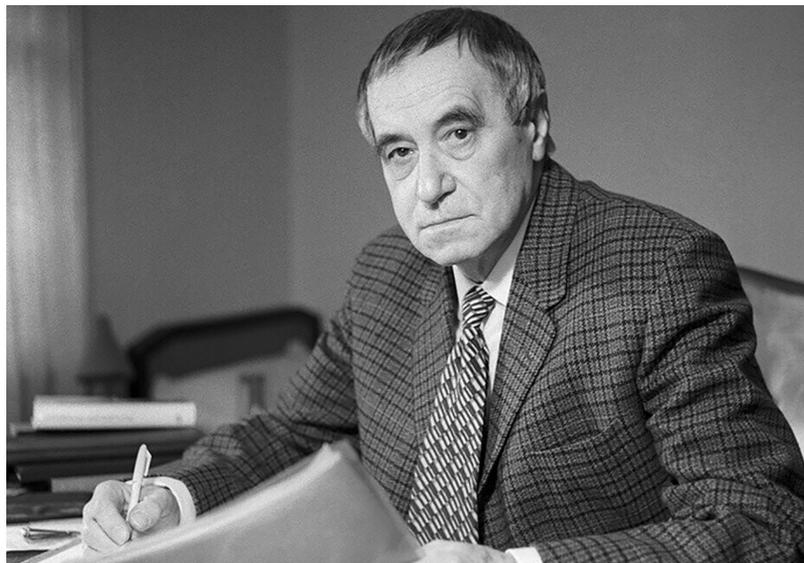
В МОЛОДОСТИ, да и сейчас, я по-прежнему восхищаюсь романом Валентина Петровича Катаева «Юношеский роман». Время от времени я глубоко ныряю в его страницы, чтобы глотнуть воздуха XIX и XX веков одновременно – ведь он написан о событиях, случившихся на стыке двух столетий. Дышу, но не могу надышаться, оттого ныряю снова и снова. Волшебный текст, сохраняющий не только время, быт, но и воздух эпохи.

Утверждают, что в такие периоды – переходы из века в век – случаются судьбоносные мировые открытия, создаются новые школы, скажем, в живописи (в нашем случае: импрессионизм, абстракционизм, авангард, модерн, наив, кубизм, сюрреализм, супрематизм); появляются новые произведения в литературе, пишется высокая музыка – оперы, симфонии, кантаты, концерты для

больших оркестров, появляются голоса, с которыми ассоциируется вечность.

На стыке веков утверждаются великие имена, которые останутся в истории человечества. С рубежа XIX и XX веков я могу взять сотни подобных примеров, уже ставших хрестоматией, но они известны вам и без меня. По аналогии с прошлыми веками, подобного ожидали и на стыке XX и XXI веков, но как бы я ни хотел похвалиться своим временем, в конце XX века ничего значимого для человечества не произошло, кроме развала СССР, взлёта Китая и мирового финансового кризиса, который, похоже, становится перманентным на все оставшиеся века.

Ничего выдающегося не произошло и в мировом искусстве, кроме того, что повсюду умерло много выдающихся деятелей культуры от Ростроповича до Паваротти, от Феллини до Тарков-

Валентин Катаев

ского, от Матрояни до Янковского, от Бунина до Катаева. Почти умерло кино Франции, Италии, Германии – великих кинодержав XX века. Со времени развала СССР и за тринадцать лет истории новой России в новом веке мы только проедали наследие СССР, а в искусстве перелицовывали всё, что можно перелицевать. Раньше перелицовывали наизнанку старые костюмы и пальто, теперь взялись за кино, пьесы, спектакли, песни – сплошь ремейки. И те крайне неудачны, проваливаются с треском, ведь нам, читателям и зрителям, есть с чем сравнить, сопоставить. Я представляю себе: когда уйдёт наше поколение, какая профанация начнётся в литературе и искусстве, да и во всём остальном.

Вернёмся ненадолго к роману Катаева. Если бы вы знали, как в штыки встретила новый роман официальная критика! Кажется, не было ни одного серьёзного журнала, газеты, альманаха, где не «лягнули» бы «Роман Саши Пчёлкина, написанный им самим» – так назывался «Юношеский роман» в первоначальной публикации в журнале «Новый мир». А я в это же время переплёл в книгу все номера журналов с романом и с волнением, и восхищением

читал его во второй и в третий раз. То же самое у меня произошло и с «Великим Гетсби» Ф. С. Фицджеральда, я уже писал об этом. Только в том случае критики гробовым молчанием встретили выход его книги «Великий Гетсби» в 1965 году, зато, спустя годы, на Фицджеральда и его романы у них у всех разом открылись глаза.

Вращаясь в литературных кругах Москвы, я уже знал много, даже слишком много о своём любимом писателе, в основном сведения негативного характера, но это никак не влияло на моё отношение к Катаеву, даже наоборот, потому что даже я, начинающий писатель, сталкивался с завистью – «...издаётся в Москве...»

Ольга Куприяновна-Землянская, многолетняя заведующая отделом прозы журнала «Звезда Востока», тайно симпатизирующая мне, несколько раз предупреждала: «Дорогой Рауль, будьте незаметнее, сдержаннее, у вас столько завистников, недоброжелателей». «Почему? – удивлялся я. – В литературу пришёл я со стороны, из строительства, первый же рассказ опубликовал в Москве, оттуда же получил приглашение на съезд молодых писателей, там

же мне предложили издать книгу в «Молодой гвардии», я никому в Ташкенте не переходил дороги, в СП бываю редко, мало с кем общаюсь, я человек занятой, у меня своя сложившаяся жизнь». Ольга Куприяновна улыбнулась мне, как несмышлёнышу: «Вот и за всё это тоже. У нас в русской секции в Союзе писателей раньше пятидесяти не принимали, а вас с Красильниковым, тридцатилетних, приняли, и это очень раздражает даже тех, кто совсем вас не знает. Раздражает ваших коллег то, что вы – строитель, меломан, театрал, библиофил, выделяетесь одеждой, поведением, они вообще удивляются – когда вы пишете?» Не совсем катаевская ситуация. Мне до Катаева, как до звезды, я тогда только-только издал свои первые книги, а в литературной провинции отношения куда жёстче, чем в Москве. Так что, судьба Валентина Петровича мне близка.

За что же ругали Катаева критики? Разумеется, они писали от имени читателей и всего советского народа, откуда-то из пыльных сундуков щелкопёры вытащили на свет божий термин «мелкобуржуазный», уже не употреблявшийся почти пятьдесят лет! В чём они видели мелкобуржуазность «мовиста» Валентина Катаева? В том, что он посвятил романное пространство юношеской любви недоучившегося одесского гимназиста, в котором отчётливо видится сам Катаев, не решившийся признаться хотя бы в частичной автобиографичности произведения?

Раздражал критику и юный Саша Пчёлкин, ушедший добровольцем на Первую мировую войну вольноопределяющимся – существовало в царское время такое положение в армии – не солдат и не офицер, но имевший за плечами образование, что давало возможность быстро стать офицером в военное время. С той войны Саша Пчёлкин вернётся офицером, орденосцем, раненым, много повидавшим мужчиной. Война, которую он боялся, чтобы она не закончилась без него, спешил, рвался на неё, сделала его не только пацифистом, но и дала понимание – война не

решает никаких проблем, ни личных, ни общественных. Он усвоил, что война слепа и равнодушна ко всему, и война не минет, не обойдёт никого, если она вдруг начнётся.

На войне наш герой несколько раз чудом избегает смерти, хотя в какие-то минуты, как Печорин, пытался искать её в бою, в геройстве. На фоне ужасов войны, распада мирной жизни, краха великой Российской империи, накануне революционных событий, которые изменят жизнь россиян самым неожиданным, трагическим образом, приходит любовь гимназиста к очаровательной Миньоне. Любовь не подстраивается, не выбирает время. Через весь роман, то есть через всю жизнь Саши Пчёлкина, проходят письма к любимой, в них отражено далёкое, очень далёкое, невозвратное мирное время уходящей на глазах царской России. В письмах, как нигде – ни в учебниках истории или книгах, ярко, сочно, понятно показана история страны, юга России, фронтов Первой мировой войны, а главное – судеб людей. Роман написан не только гениальным писателем, мастером слова, а очевидцем тех давних событий, гражданином канувшей в Лету великой Российской Империи, в центре которой и был Саша Пчёлкин, он же юный, молодой Валентин Катаев.

Роман был написан 70-летним художником, люди в этом возрасте мало помнят свою жизнь, не то чтобы, как он, отразить в романе эпоху, войну, распад Империи, показать людей того времени, начало нового российского миропорядка. В исповеди очевидца, видевшего потрясшие нашу страну губительные события, в их незаёмной катаевской оценке я вижу главную заслугу писателя. Скажу больше – на тот момент, когда писался этот замечательный роман, Катаев был единственный писатель-очевидец, кому по плечам было написать такое, остальные очевидцы давно ушли из жизни, большинство из них не пережило двух войн подряд. А критики твердили: мелкобуржуазность, мелкобуржуазность! Читателя умиля-

ет, восхищает, что писатель помнит первый дом в Одессе, где появилось паровое отопление и одновременно – электрический свет, в этом доме жила его любимая, ненаглядная Миньона. Его «Юношеский роман» может служить приложением к нашим учебникам истории, в равной степени, как и великий шолоховский «Тихий Дон».

Только за то, что он воскресил для нас прошедшее время, показал мельчайшие детали, приметы той имперской русской жизни, быта и войны, ему стоило бы поставить памятник. Памятника великому В. П. Катаеву до сих пор нет в Москве. А его всё шпыняли и шпыняли за мелкотемье, мелкобуржуазность, не замечая идеи романа. Некоторые критики, да и коллеги намекали: мол, исписался Катаев, про гимназические балы вспоминает, ставит на романый пьедестал какую-то Миньону, не краснoblузочницу, не героиню труда, не комиссаршу в юбке. Да не о Миньоне тут речь, господа, хотя и о ней – без Миньоны не было бы истории любви, памятника любви, не случилось бы ни жертв, ни героизма, ни трагедии Саши Пчёлкина. И мы бы не почувствовали, не поняли личной трагедии писателя Валентина Катаева, с такой болью расстающегося с прошлым, с потерями.

Одна из лучших сцен романа – когда умирающая от туберкулёза юная Миньона возвращает вернувшемуся с войны офицеру Пчёлкину толстую пачку его писем, перехваченную не знакомой ему с детства алой лентой, а простой тесёмкой, и он наконец-то понимает, что он всегда что-то значил в её жизни. Только одно это даёт силы Саше Пчёлкину жить дальше и помнить всё светлое, что у него всё-таки было в жизни. Вот эта сцена, на мой взгляд, очень роднит Катаева с другим моим любимым писателем Фрэнсисом Скоттом Фицджеральдом. В личной жизни и в творчестве у них много параллелей, хотя вряд ли Фицджеральд читал Катаева, они оба – великие мастера передать настроение, печаль, тоску, трагедию. В гениях всегда есть что-то общее, объединяющее, а

его травля пусть останется на совести тех, кто не дорос до понимания величия живущих рядом великих писателей. А Катаев всегда знал себе цену. Время, хоть и запоздало, всё равно расставляет всех по местам.

Впервые я увидел Валентина Петровича в издательстве «Советский писатель»: высокого, с военной выправкой, несмотря на то, что ему было уже почти семьдесят. Элегантно одетого в длинное тёмно-синее кашемировое пальто, опережающее грядущую моду лет на десять, в твидовом английском кепи, которых у него была целая коллекция, ярком мохеровом шарфе. К этому времени я знал, сколько у него завистников, врагов в писательской среде. Завистники и враги копились у Валентина Петровича, талантливого и успешного писателя, с 1920-х годов, завидовали не только его успеху в литературе, а, прежде всего, успеху в жизни. Высокий, красивый, элегантный, быстрого ума, работающий – он щедро дарил сюжеты многим писателям. Хотя чаще всего вспоминают случай, связанный с Ильфом и Петровым, с их бестселлерами «Двенадцать стульев» и «Золотой телёнок». Он не только подарил им сюжет, но и давал советы по ходу работы, и без Катаева романы вряд ли так быстро вышли бы и получили прессу и известность. За этим успехом, безусловно, стоял щедрый Валентин Катаев.

Писатели завидовали его энергии, вкусу, успеху у женщин, эпатажности, даже его холодильнику, который впервые появился в Москве именно у Катаева, завидовали из-за его жены Эстер – красавицы с французскими корнями. Я видел его жену в очень зрелом возрасте, в писательской поликлинике, заметьте – не в театре, но с макияжем и от парикмахера. Глядя на неё, я мысленно процитировал: «Такие женщины похожи на чуть увядшие цветы». Не зря друг Валентина Петровича, земляк-одессит Юрий Карлович Олеша написал повесть «Зависть», наверное, и здесь без совета Катаева не обошлось. Хотя примеров для зависти Олеша и сам мог привести

тысячи. Кстати, Катаев, Светлов, Олеша в молодости очень любили ресторан «Националь».

Я очень жалею, что новые романы в жанре «мове» Валентин Петрович написал в конце жизни, и я не мог воспользоваться ими в начале своего литературного пути. Разве что мой роман «Ранняя печаль» несёт печать катаевского влияния, это отметил академик С. Алиханов. Читайте, перечитывайте Валентина Петровича, учитесь у него писать – лучшей школы я не могу порекомендовать молодым. Другого писателя, столь виртуозно владеющего формой, в русской литературе нет. «Юношеский роман» по форме – один из самых показательных в этом смысле романов. Как волшебника слова, короля метафор я могу сравнить Валентина Петровича только с Иваном Алексеевичем Буниным, люблю их обоих безмерно.

Я очень рад, что на излёте жизни, благодаря этим мемуарам, сумел выразить свою любовь и восхищение творчеством В. П. Катаева, хотя и запоздало ответить недоброжелателям и завистникам своего любимого писателя.

Для многих может оказаться неожиданной новостью, что Валентин Петрович не только выдающийся романист, но и прекрасный поэт, он и тут следовал за кумиром всей своей жизни Иваном Буниным, который оставил для нас тоже удивительный том поэзии. В 1919 году Бунин готовился к эмиграции и в ожидании парохода жил в Одессе. Туда, на съёмную дачу, и пришёл к нему Катаев и не только с рассказами, но и с подборкой стихов. Хочу ознакомить вас хотя бы с одним стихотворением Валентина Катаева, чтобы вы почувствовали его поэтическую мощь.

Её глаза блестели косо,
Арбузных косточек черней,
И фиолетовые косы
Свободно падали с плечей.

Пройдя нарочно очень близко,
Я увидал, замедлив шаг,
Лицо скуластое, как миска
И бирюзу в больших ушах.

С усмешкой жадной и неверной
Она смотрела на людей,
А тень бензиновой цистерны,
Как время двигалось за ней.

Совсем недавно вычитал поэтическую строку замечательного поэта-современника Владимира Шемшученко:

Писательские заградотряды
Избранных не щадят...

Вряд ли поэт написал эту глубоко выстраданную строку, имея в виду Катаева, но она может послужить эпиграфом ко всей его жизни.

Совсем недавно один молодой преуспевающий издатель на мой совет издать Катаева и Бунина ответил – нынче они «не формат», устарели, их словесные кружева никому не интересны. Его я понять могу, он один из тех издателей, кто всю русскую литературу мечтает перевести в комиксы, конечно, «кружева» в комиксах излишни.

Новое поколение привыкло к телеграфному стилю, который у нас появился благодаря Эрнесту Хемингуэю. А из первых читателей старика Хэма уже выросло несколько поколений писателей, у которых в предложении больше четырёх-пяти слов не бывает. Это они вместе с новыми издателями утверждают, что Иван Бунин и Валентин Катаев – сегодня не «формат», и их словесные кружева современным читателям не интересны и скучны.

Частое появление во многих главах мемуаров имени моего любимого писателя вызвало неожиданный поток писем читателей, благодарных за упоминание Валентина Катаева. Не отстают от них и те, у которых даже малейшая ссылка на его творчество вызывает раздражение. «Уже достали со своими Буниными и Катаевыми», – вот лейтмотив этих корявых, наспех написанных мне посланий. Анализируя то или иное письмо, я вдруг убедился, что их авторы никогда не читали ни того, ни другого. Читающим по слогам людям, лишённым ассоциативного мышления, конечно, мои кумиры чужды. Поэтому вынужден объясниться.

Катаев – писатель настроения, быта

и жестоких социальных катаклизмов, пришедших на его век. «Уже написан Вертер», «Юношеский роман», «Трава забвения» – яркие примеры тому. На его долю выпали войны и потрясения: Катаев – участник Первой мировой войны, воевал храбро, награждён двумя Георгиевскими крестами и орденом Святой Анны четвёртой степени. На той далёкой войне он сильно подорвал здоровье, попав под газовую атаку, получил отравление, чудом выжил. В 1916 году из-за тяжёлого ранения в бедро его комиссовали с фронта. Он свидетель двух революций, Гражданской войны, войны Отечественной, человек, переживший сталинские репрессии и дождавшийся хрущёвской оттепели – всё это ярко, со знанием дела и запечатлено в его романах.

Его поздние книги – это подробнейшее изложение иллюстраций жизни, увиденные зорким зрением и сохранённые феноменальной памятью. Он не только мастерски, в деталях описывает жизнь, но и комментирует её покатевски, не обходя острые углы. Я не ученик Катаева. К сожалению, слишком поздно встретился с ним, чтобы он мог повлиять на меня в самом начале моего пути.

Когда я начал читать романы Катаева, написанные в стиле «мовизма», я уже сам издал десятки книг, и у меня к этому времени сложился свой стиль, своя манера. Я мог только наслаждаться его великолепным слогом и восторгаться умением постоянно менять форму повествования, делать неожиданные повороты в сюжетах. Владеть такими изобразительными возможностями, как Катаев, я даже не помышляю, поскольку это не манера и этому нельзя научиться, это – другое видение мира, другое многоохватное зрение. В этом жизнелюб Катаев неподражаем, неповторим, это вам не Хемингуэй с его телеграфным стилем, который не справился с собственной жизнью и алкоголем, загнал себя в творческий тупик и трагически покончил с собой. А вот способности искать для каждой вещи свою форму,

*Валентин Катаев (справа)
и Корней Чуковский на отдыхе*

свою подачу материала у Катаева можно поучиться, можно что-то перенять. Он оставил после себя ш к о л у, и она открыта для всех, но учиться в ней не каждому дано, слишком высоко поднята планка, можно нечаянно и расшибиться.

Я не отказываюсь от содержания своих романов, но, если бы узнал прозу Катаева раньше, я б написал их стилистически по-другому. Катаев не только великий стилист, но и кудесник формы, я наслаждаюсь не только его волшебным текстом, но и блестящей формой написания. Но он, наверное, радуется, восторгается только подготовленного читателя, который до Катаева прочитал сотни разных книг. Ведь шампанское «брют» у многих тоже вызывает отторжение, им бы сладкого или полусладкого, а ведь есть ещё и «брют кюве» для особых ценителей волшебного напитка.

Катаев – мой кумир в литературе. Оттого, наверное, и у меня всё сущее, описанное в моих произведениях, – предметы, вещи, еда, напитки, интерьеры, природа – всё имеет своё имя, название, а не подаётся «общё» – мужчина, женщина, дерево вместо берёзы,

тополя и т. д. Более того, большинству из них, в силу необходимости, я ещё даю объяснения или оценки с предельной категоричностью и субъективностью.

Поэтому у меня вряд ли встретишь мужчину, «элегантно одетого» в чёрный костюм, белую рубашку, чёрные туфли и чёрный галстук. Тут ни модой, ни элегантностью и не пахнет. Так одевались чиновники средней руки в советское время. Если бы я описывал элегантно одетого мужчину, то я бы указал, какой на нём костюм – однобортный или двубортный, какого он кроя – английского классического, с широкими мужскими плечами или итальянского, больше рассчитанного на субтильных модников. Обязательно обратил бы ваше внимание на то, какие шлицы у пиджака, сколько их, какая глубина. Если речь идёт об однобортном костюме, важно указать, сколько пуговиц – три-четыре хороши для молодых, стройных; для солидных мужчин – лучше на одну-две пуговицы, тогда лацканы смотрятся длиннее, элегантнее. Обязательно отметил бы галстук – шёлковый, шерстяной, узкий, широкий, каким узлом завязан, какого он цвета. Иногда, по сезону, следует подчеркнуть – из какой ткани пошит костюм: шёлка, кашемира, шерсти или из смеси этих тканей; из твида, шевиота, габардина, сукна, бостона, если писать о 1950–60-х годах прошлого века, времени моей молодости. Теперь ценятся костюмы из льна с шерстью, из льна с шёлком и кашемиром. Не забыл бы указать – приталенный или прямой костюм, каковы рукава. Иногда требуется указать ширину брюк – эти параметры становятся чёткими и точными приметами времени.

По одежде я определяю год создания старых голливудских и европейских фильмов, которым отдаю предпочтение, и редко ошибаюсь, тому тьма свидетелей и десятки выигранных пари. В молодости я любил заказывать пальто, костюмы с красным или вишнёвым подкладом из шёлка или атласа, который выглядел роскошно, с отливом. И стоил этот материал всего четыре рубля за

метр. Обычно на подкладку раньше шла саржа серых и тёмных цветов, теперь используют исключительно искусственные ткани, даже у Китона и Бриони. Не верьте тем, кто говорит, что при социализме полки магазинов были пусты. Да, с обувью, мебелью и аппаратурой было туго, но тканей – костюмных, пальтовых, французских, английских, бельгийских, китайских, итальянских – разных цветов и разной фактуры было очень много.

А полки магазинов были пусты, потому что мгновенно опустошались – у народа были деньги, не хватало хороших товаров, на машины стояли в очереди годами. И, слава богу, что машин не хватало, пожилые без пробок, драм на дорогах, без боёв во дворах, и слово «экология» знали только учёные и лингвисты.

Должен признаться, что я никогда не стану так подробно описывать даже самого изысканного денди. Этими подробностями я лишь хотел показать, как можно описать костюм, «весь в чёрном» – это портрет служащего из похоронной конторы. Для человека, которого хочешь преподнести как элегантно одетого, чёрный костюм – это слишком просто, как и всё в нашей жизни: так строим, так лечим, такая архитектура, такие дороги, такой общепит, здравоохранение...

Иногда, чтобы дать характеристику хорошо одетого героя, достаточно одной детали. К примеру, в главе «Рулетка в Малеевке» есть эпизод, когда я роняю возле игрального стола фишку и, поднимая её, вижу у края стола белоснежные манжеты с янтарными запонками Игоря Волгина. Всё! Мне не надо рассказывать, как он одет, белые манжеты не предполагают свитер, курточку. Там же, в этой главе, при описании Игоря Волгина, уже смолodu заметного поэта, в ресторане ЦДЛ, где он сидел с очень красивой женщиной, я был вынужден хоть вскользь пройти по её элегантно одежде, всё-таки она была одной из ведущих балерин Большого театра, а Игоря Волгина я представил только одним словом – он сидел, как

лорд, и отпадала нужда описывать его гардероб.

Конечно, написать: «он был в чёрном костюме» – проще и для писателя, и для читателя. Но мой кумир Валентин Катаев никогда так не поступает, одежда его героя всегда даёт нам сразу и портрет, и характер.

Я ведь застал Катаева при жизни, видел его однажды в «Советском писателе». Одной этой живой встречи мне было достаточно, чтобы понять – за что одни любили его почти до обморока, другие ненавидели люто, хотя вряд ли они с ним когда-нибудь пересекались.

А к тем, кто равнодушен к моей прозе, не имею претензий, понимаю – писателя или принимают, или нет. Иного не дано – это тоже катаевская фраза. Вот совсем недавно в приёмной одной из татарских газет Казани, как я узнал, зашёл разговор обо мне – и один из писателей высказался в мой адрес: «Какой же он писатель, он же в «бабочке» ходит». Вот такая оценка моего творчества, такая аргументация, как на таких обижаться? Тут, как ни пиши – не признают.

Если проза Катаева является портретом его времени и портретом самого автора, то и мои книги уже тогда стали для сегодняшних дней актуальными

и историческими, потому как ничего в нашей жизни со времён моей «Чёрной знати» не изменилось, а будущее в тетралогии я предсказал на десятилетия вперёд – прочитав мои старые романы, оглянитесь вокруг.

Наверное, за ту же субъективную, безжалостную по-катаевски оценку событий и времени мои романы тоже можно считать и моим портретом, и портретом моего времени. Манера письма Катаева, да и сам Катаев раздражали и раздражают многих и по сей день, и я это хорошо знаю, но я уже писал, что мы сами выбираем себе учителей и ориентиры. Со временем я даже научился распознавать, какой тип людей я раздражаю как человек и писатель, и уверен, что они не поклонники и не читатели Валентина Катаева.

Я уже отмечал два принципа написания прозы, которые советовал Катаев молодым. Первый гласит: пиши, раздевая своих героев донага. По этому принципу написаны тетралогия «Чёрная знать» и другие мои романы. Что из этого получилось, я уже писал. Второй принцип: хочешь, чтобы тебя читали, чтобы тебе верили – раздевайся и сам догола, не жалея ни себя, ни тех, кто попал в твоё поле зрения.

Малага (Испания), 2014